

Профессия и сообщество

Ю.А. Пелевин и его исследования

Григорий Кан

Iu.A. Pelevin and his works
Grigoriy Kan (Moscow, Russia)

16 июля 2015 г. в Москве скоропостижно скончался Юрий Александрович Пелевин, находившийся в расцвете творческих сил, строивший обширные планы и работавший над очередной главой своей книги о революционном народничестве 1870–1880-х гг.

Юрий Александрович родился в Москве 10 сентября 1948 г. в семье военнослужащего. Семейные обстоятельства заставили его после 8-го класса средней школы начать работать на Станкостроительном заводе им. Серго Орджоникидзе, где он получил специальность токаря, одновременно продолжая учиться в вечерней школе (экзамены сдал экстерном), техникуме и Московском станкоинструментальном институте. Через какое-то время ему удалось устроиться инженером-конструктором в Научно-исследовательский институт неорганических материалов. Однако уже в начале 1970-х гг. Пелевин резко изменил свою жизнь: перешёл в Центральный государственный военно-исторический архив, а в 1973 г. поступил на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Его научным руководителем стал профессор М.Г. Седов, организовавший знаменитый семинар по истории народничества, в заседаниях которого активно участвовал и Пелевин¹. В 1984 г. окончив аспирантуру, Юрий Александрович защитил кандидатскую диссертацию «А.Д. Михайлов в революционном движении 1870-х – 1880-х годов». Впрочем, работу над данной темой он не прекращал и в последующие годы. С 1985 г. Пелевин более двух десятилетий преподавал в Российском институте переподготовки работников искусства, культуры и туризма, читал лекции о современном альтернативном искусстве, музееведении и т.п., будучи старшим преподавателем, доцентом, а затем и профессором. Потом несколько лет он трудился в академическом Государственном университете гуманитарных наук.

Большинство исследований Ю.А. Пелевина посвящены народничеству – от «хождения в народ» до разгрома «Народной воли». Впрочем, его интересовали и другие сюжеты – правительственная политика, высшая бюрократия, общественная мысль пореформенного времени. Как признавал сам Юрий Александрович, наибольшее влияние на него оказали работы В.Я. Богучарского, хотя, разумеется, он разделял далеко не все встречающиеся в них оценочные суждения. По своим взглядам Богучарский был близок к левым либералам и умеренным марксистам. Не сочувствуя идеям общинного социализма и анархизма, планам

© 2016 г. Г.С. Кан

¹ О М.Г. Седове и его семинаре подробнее см.: «Будущего нет и не может быть без наук...» (Памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005.

крестьянского восстания, организации заговора и террористическим методам, он высоко оценивал способности и моральные качества многих народников и полностью одобрял политическую программу «Народной воли» (демократия, Учредительное собрание, гражданские свободы, местное самоуправление). При этом вину за революционное насилие историк всецело возлагал на правительство, считая, что оно жестокостью своей политики провоцировало революционеров на ответные действия, включая цареубийство. Пелевин, в отличие от Богучарского, не снимал с революционных организаций ответственности за террор, хотя и не оправдывал представителей власти, был строг в моральной оценке покушений и критически относился к экономической программе народничества. Своей высокой культурой, интеллектом, эрудицией, терпимостью к чужому мнению и даже самой манерой писать Юрий Александрович напоминал каким-то чудом оказавшегося в XXI в. сотрудника «Вестника Европы». Среди современных исследователей ему ближе всех по подходам и выводам был, пожалуй, О.В. Будницкий. Ю.А. Пелевин всегда отзывался о нём с большим уважением и симпатией, хотя они знали друг друга только по научным публикациям.

Единственная монография Юрия Александровича, опубликованная при его жизни, посвящена знаменитому «хождению в народ» революционно настроенной молодёжи, пытавшейся в 1874–1875 гг. поднять крестьян на восстание во имя социалистических идеалов². Сказать об этом событии что-то новое было непросто, поскольку за последние 60 лет оно освещалось в семи работах³. Но лишь Пелевин, очень живо, ярко и логично изложив результаты анализа огромного количества разнообразных источников, подробно показал то, что революционеры увидели в деревне, и осветил реакцию мужиков на народническую пропаганду. Из-за поголовной безграмотности крестьян изданная для них (в немалом количестве) нелегальная популярная литература – преимущественно анархистско-бунтарского содержания – оказалась бесполезной и только служила впоследствии важной уликой для разоблачения пропагандистов на политических процессах. Заметно осложняло агитацию и чрезвычайно распространённое в народе пьянство⁴. К тому же бедственное материальное положение крестьян в большинстве губерний и их мечты о «равнении земель» вовсе не означали готовности к бунту (тем более вооружённому) против властей. Во всех губерниях преобладало непоколебимое убеждение в том, что рано или поздно передел земель осуществит царь. Вплоть до начала XX в. все или почти все крестьяне оставались яркими монархистами и лишь с императором связывали свои надежды и упования⁵. Сложность отношений «бунтарей» и народа про-

² Пелевин Ю.А. «Хождение в народ». Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. Впервые эта работа была напечатана в виде серии статей: *он же*. «Хождение в народ» 1874–1875 гг. // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 64–97; № 5. С. 83–98; № 6. С. 38–50.

³ Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М., 1965. С. 266–360; Филиппов Р.В. Из истории народнического движения на первом этапе «хождения в народ». Петрозаводск, 1967. С. 220–306; Троицкий Н.А. Первые из блестящей плеяды (Большое общество пропаганды 1871–1874 гг.). Саратов, 1991. С. 229–252; *он же*. Крестonosцы социализма. Саратов, 2002. С. 143–177; Гинев В.Н. Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX в. М.; Л., 1966. С. 64–99; Базанов В.Г. Русские революционные демократы и народознание. Л., 1974. С. 461–541; Панухина Н.Б. «Москвичи» (Из истории революционного подполья 70-х годов XIX века). М., 1974. С. 64–74.

⁴ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ». С. 72–83.

⁵ Там же. С. 120–134.

явилась в знаменитом «чигиринском заговоре», которому Юрий Александрович посвятил специальную статью, едва ли не первую в историографии⁶.

Основу крестьянского монархизма Пелевин видел в господствовавшем среди мужиков «народном православии», пронизанном фаталистическим отношением к миру, где всё – судьба человека, его место в обществе, материальное положение и проч. – предопределено и всецело зависит от воли Бога, которую следует со смирением принять⁷. Поэтому, несмотря на горячее желание и ожидание прибавки земли и снижения платежей, ни о каких протестах и революциях в деревне не могло быть и речи. Более того, ссылаясь на воспоминания и письма многих пропагандистов, Пелевин утверждал, что проповедь социализма в духе западных учений (П.Ж. Прудона, Л. Блана, Ф. Лассалья и др.) не вызывала у мужиков никакого интереса, поскольку крестьяне были в принципе чужды коллективистским стремлениям. Развивая наблюдения А.Н. Энгельгардта, Г.И. Успенского и Г.В. Плеханова, исследователь полностью отрицал наличие у русских крестьян каких бы то ни было общинно-социалистических наклонностей. В пореформенный период, по его мнению, для них были характерны скорее частнособственнические интересы, индивидуализм и желание стать зажиточными хозяевами⁸.

Возможно, позиция Юрия Александровича была даже излишне категорична, но он неоднократно отстаивал её в наших спорах. Крестьяне действительно отвергали идеи коллективного ведения хозяйства и совместной обработки земли. Однако более умеренная аграрная программа, принятая «Землёй и волей» и немного модернизированная позднее партией социалистов-революционеров, пользовалась в первые десятилетия XX в. широкой поддержкой сельского населения. Конечно, не исключено, что крестьян в ней привлекало именно требование земельного передела, полного изъятия земли у помещиков, а вовсе не обобществление как таковое. Как известно, эсеры допускали индивидуальное пользование землёй после её социализации (обобществления)⁹. Весьма вероятно, что в случае осуществления их планов большинство пользователей вскоре стали бы мелкими собственниками. Но, так или иначе, отношение крестьян к общине в пореформенное время ещё нуждается в тщательном изучении.

Пристальное внимание Пелевин уделил мирной демонстрации, устроенной 6 декабря 1876 г. на площади около Казанского собора в Петербурге и уже через несколько минут превратившейся в массовую драку митингующих с полицией и прохожими¹⁰. Исследователь сумел детально восстановить картину происшедшего, свидетельствующую о легкомыслии организаторов акции, жестокости полиции и суровости судебного приговора: «за пять минут свободного изъяснения своего мнения» Особое присутствие Правительствующего Сената 25 января 1877 г. отправило пять человек на каторгу на 10–15 лет (ещё десять были приговорены к ссылке, трое – к пятилетнему нравственному исправлению в отдалённых монастырях, ещё трое оправданы)¹¹. Отчасти подобное решение

⁶ Пелевин Ю.А. Южные бунтари и «Чигиринский заговор» // Российская история. 2014. № 1. С. 130–150.

⁷ Пелевин Ю.А. «Хождение в народ». С. 115–117.

⁸ Там же. С. 89–94.

⁹ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. В 3 т. Т. 1. М., 1996. С. 277–278.

¹⁰ Пелевин Ю.А. Первая протестная демонстрация в России // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 14–29.

¹¹ Там же. С. 23.

объяснялось тем, что в стране тогда полным ходом шла мобилизация и какие-либо антиправительственные действия представлялись особенно неуместными.

С начала 2013 г. Ю.А. Пелевин работал над книгой «Александр Михайлов и его революционная эпоха», которая осталась незаконченной. За это время ему удалось написать свыше 45 авторских листов и довести изложение до июня 1879 г. (с отдельными вставками, касающимися более поздних событий). Этот труд подводил итог исследования, начатого ещё в 1970-е гг. и лишь отчасти отразившегося в диссертации и серии публикаций¹².

А.Д. Михайлов, в 1878 – ноябре 1880 г. являвшийся фактическим руководителем «Земли и воли» и «Народной воли», был – как это ни парадоксально – человеком по-своему цельным и одновременно противоречивым. Свободолюбец и идеалист, романтик с мироощущением поэта, никогда не расстававшийся с Евангелием и видевший цель своей жизни в противостоянии злу и неправде, царившим в России, он был в то же время жёстким реалистом, практиком и прагматиком, придерживавшимся принципа «цель оправдывает средства», блюстителем самой суровой революционной дисциплины и организатором всех ключевых террористических актов конца 1870-х гг. Удивительно, что такая фигура остаётся всё ещё слабо освещённой в историографии. Биографические исследования, вышедшие в 1920–1930-е гг., не отличались фундаментальностью, а в монографиях П.С. Ткаченко и С.С. Волка ему не уделялось должного внимания¹³. Какое-то время этот пробел восполнял лишь биографический очерк, написанный Н.А. Троицким¹⁴.

Замысел новой монографии Пелевина перекликался со словами В.Н. Фигнер о первом народовольческом лидере: «Его мировоззрение и жизнь, это – страница революционного движения 1876–84 годов. Кто хочет знать эту эпоху, должен изучать Александра Дмитриевича Михайлова»¹⁵. Детально рассматривая биографию своего – без преувеличения – любимейшего героя, Юрий Александрович, по сути, создавал историю всего революционного народничества. При этом он всегда старался сохранить трезвость и объективность в оценке как идей, так и поступков Михайлова и его единомышленников. Ещё в 1983 г. Пелевин отметил, что у народovolьцев «не было чувства исторического движения России». По его словам, «Михайлов не осознавал, что демократизация общества может быть успешной и необратимой, если она основана... на развитии общества в целом, на духовных потребностях народа, который уже не может жить без политичес-

¹² Пелевин Ю.А. Новые материалы о народovolьцах А.Д. Михайлове, А.П. Прибылевой-Корбе и Л.А. Тихомирове // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1979. № 3. С. 65–77; *он же*. А.Д. Михайлов о Липецком съезде и программе Исполнительного комитета «Народной воли» // Советские архивы. 1982. № 5. С. 72–74; *он же*. Социально-экономические воззрения А.Д. Михайлова // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1983. № 3. С. 46–56; *он же*. Разгром полиции центра «Земли и воли» и восстановление его А.Д. Михайловым // Из истории культуры и общественной мысли народов СССР. Сборник научных статей. М., 1984. С. 104–112; *он же*. Конспиративная деятельность А.Д. Михайлова в «Земле и воле» и «Народной воле» // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1986. № 2. С. 53–64; *он же*. Александр Дмитриевич Михайлов // Вопросы истории. 2011. № 6. С. 43–69.

¹³ Клевенский М. Александр Дмитриевич Михайлов. М., 1925; Беркова К.Н. А.Д. Михайлов. М., 1926; Эльсберг Я. А. Михайлов. М., 1935; Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля» (1876–1879 гг.). М., 1961; Волк С.С. «Народная воля» (1879–1882). М.; Л., 1966.

¹⁴ Троицкий Н.А. «Дворник» (Народovolec Александр Дмитриевич Михайлов) // Освободительное движение в России. Вып. 17. Саратов, 1999. С. 53–66.

¹⁵ Фигнер В. Полное собрание сочинений. Т. 5. М., 1932. С. 261.

кой свободы»¹⁶. «Народовольческие мечты добиться введения конституционных форм правления были неосуществимы, – констатировал историк в 2011 г., – так как в стране отсутствовали политически оформившиеся общественные группы, готовые отстаивать свои интересы... Когда у народа достаточно сил и энергии провести прогрессивные преобразования, революционеры излишни, когда же таковые условия отсутствуют, то революционеры бесполезны»¹⁷. Тем самым он почти дословно повторил (и несколько расширил) сказанное некогда Л.А. Тихомировым о террористах¹⁸. Однако, в отличие от бывшего народовольца, ставшего монархистом, историк не сомневался в необходимости политической свободы для развития страны.

Исследовательская манера Пелевина ярко выразилась в статье о Н.В. Клеточникове – знаменитом агенте Михайлова и народовольцев сначала в III отделении Собственной е.и.в. канцелярии, а потом и в Департаменте государственной полиции МВД¹⁹. Не скрывая симпатии к революционеру, Юрий Александрович честно отметил, что, будучи арестованным в январе 1881 г., Клеточников дал довольно откровенные показания (отягчившие, в частности, участь народовольца А.Б. Арончика), от которых затем отказался на суде в феврале 1882 г. На самом процессе и в заключении, вплоть до смерти 13 июля 1883 г., он держался мужественно²⁰.

Пелевин был твёрдо убеждён в том, что террористические акты конца 1870-х – начала 1880-х гг. (в том числе и убийство Александра II) изучены недостаточно. Их освещение, по его мнению, требует обстоятельного рассказа не только о самом покушении, удавшемся или нет, но и о его причинах, о человеке, на которого покушались, обо всех – прямых или косвенных – участниках нападения, о его подготовке (слежке, изготовлении динамита и т.д.) и последствиях, включая судьбу причастных к нему лиц, реакцию властей, разных слоёв общества, революционной среды и проч.²¹ Так, в статье «Казус Засулич», представляющей собой по сути небольшую книгу, он подробно, используя обширный круг документов, пишет о порке по приказу Ф.Ф. Трепова в Доме предварительного заключения 13 июля 1877 г. осуждённого по делу «Казанской» демонстрации А.С. Емельянова (Боголюбова), характеризует личность столичного градоначальника, жизненный путь и духовный облик В.И. Засулич, сообщает об обстоя-

¹⁶ Пелевин Ю.А. Социально-экономические воззрения А.Д. Михайлова. С. 55–56.

¹⁷ Пелевин Ю.А. Александр Дмитриевич Михайлов. С. 66.

¹⁸ См.: Тихомиров Л.А. Почему я перестал быть революционером // Тихомиров Л.А. Критика демократии. М., 1997. С. 27.

¹⁹ Пелевин Ю.А. Николай Васильевич Клеточников // Вопросы истории. 2013. № 11. С. 53–77.

²⁰ Там же. С. 65–72. См. также: Троицкий Н. Подвиг Николая Клеточникова // Прометей. Т. 9. М., 1972. С. 57–76.

²¹ Юрий Александрович успел опубликовать пять очерков, в той или иной степени касающихся террора 1878–1881 гг.: Пелевин Ю.А. Казус Засулич // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 60–78; № 2. С. 52–70; № 3. С. 69–77; № 4. С. 41–61; он же. Желябов и другие лица: покушение под Александровском // Российская история. 2015. № 5. С. 78–99; он же. Красный сундук в доме Сухорукова // История в подробностях. 2012. № 12. С. 16–26; он же. Наблюдательный отряд // Там же. С. 28–33; он же. Степан Халтурин, «Народная воля» и покушение на Александра II в Зимнем дворце // Новый исторический вестник. 2011. № 1. С. 73–89. Статью о взрыве в Зимнем дворце Пелевин впоследствии признал неполной и собирался переработать. Отдельные главы его незавершённой монографии посвящены убийству шефа жандармов Н.В. Мезенцева, покушению на его преемника А.Р. Дрентельна, а также террористическим актам, совершённым на юге России в 1878 г. группой В.А. Осинского.

тельствах совершённого ею 24 января 1878 г. покушения, о предыстории и ходе состоявшегося 31 марта судебного заседания, реакции на вынесенный присяжными оправдательный приговор, указывает на ужесточение политического режима и рост террористических настроений, прослеживает последующую судьбу Трепова и Засулич²². При этом «итоги и перспективы» оказываются довольно безрадостными: «В стране отсутствовали правовые механизмы, регулировавшие отношения личности и государства. Но беззаконие нельзя преодолеть, а тем более искоренить другим беззаконием. Насилие невозможно победить насилием, ибо его суть останется прежней... На правительственный террор, исходивший из царского дворца, революционеры ответили тем же из подполья. Получался порочный круг – змея, кусавшая свой хвост»²³.

Своеобразным ответом на революционный террор стало возникновение тайной монархической организации «Священная дружина» (или «Святая дружина», как обычно называли её современники). Она не могла не заинтересовать Пелевина²⁴. Среди её создателей и руководителей были министр императорского двора и уделов (с августа 1881 г.) граф И.И. Воронцов-Дашков, граф П.П. Шувалов, молодой С.Ю. Витте. «Дружинники», действовавшие с середины марта 1881 г. по декабрь 1882 г., видели свою задачу в обеспечении надёжной охраны императора, противодействии революционерам, вплоть до слежки за ними и даже физического устранения их лидеров, находившихся в эмиграции, а также в идеологической борьбе с народовольцами. В Женеве для дискредитации революционного движения «Дружина» издавала две газеты – либеральное «Вольное слово» (ведущим публицистом которого являлся проживавший в Швейцарии известный либерал и украинофил М.П. Драгоманов) и ультрареволюционную «Правду». Пелевин внимательно рассмотрел заграничную работу «дружинников», сумевших устроить большую агентурную сеть. Как и Богучарский, он полагал, что у «Дружины» имелось довольно значительное либеральное крыло (наличие его решительно оспаривал М.К. Лемке). Более того, по мнению Юрия Александровича, именно конституционализм части «дружинников» стал одной из причин роспуска организации²⁵. В то же время, как и Лемке, Пелевин, вопреки Богучарскому, утверждал, что Драгоманов отлично сознавал, с кем имел дело, но надеялся использовать ситуацию для проповеди своих идей, которыми ни разу не поступился²⁶.

У Юрия Александровича было много научных планов, оставшихся, к сожалению, неосуществлёнными. У него сложилось самостоятельное видение истории народничества, основанное на скрупулёзном знании как опубликованных, так и архивных источников, и часто расходящееся с привычными концепциями. Исследователи ещё не раз будут обращаться к его работам, а нравственный долг коллег и близких – подготовить к печати завершённую им часть монографии «Александр Михайлов и его революционная эпоха».

²² Пелевин Ю.А. Казус Засулич // Вопросы истории. 2015. № 1–4.

²³ Там же. № 4. С. 57–58.

²⁴ Пелевин Ю.А. «Священная дружина» против народовольческой эмиграции // «Будущего нет и не может быть без наук...»... С. 604–634.

²⁵ Там же. С. 608, 628, 632–633; Богучарский В.Я. Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х гг. XIX века. Партия «Народной воли», её судьбы и гибель. М., 1912. С. 404, 437–438; Лемке М.К. Святая дружина Александра III (Тайное общество борьбы с крамолой). 1881–1882 годы. По неизданным документам. СПб., 2012. С. 45, 319, 740.

²⁶ Пелевин Ю.А. «Священная дружина»... С. 621–626; Богучарский В.Я. Указ. соч. С. 417, 421, 426; Лемке М.К. Указ. соч. С. 444, 584, 650, 740–741, 814.

Узнав о смертельной болезни Н.А. Троицкого, которого он, несмотря на все разногласия и расхождения в оценках, глубоко уважал как «подвижника изучения народничества», Пелевин написал мне 28 марта 2014 г.: «Уходят Титаны! Знаете, в чём наша беда? В том, что нам не на кого из живых равняться, не с кем мериться, соглашаясь или противоборствуя». То же самое можно сказать теперь и о Юрии Александровиче. Такого блистательного исследователя и энтузиаста своего дела среди нас больше нет. Но нам следует помнить о том, что «для научного подвижничества сейчас лучшее время», как с оптимизмом и не без иронии писал 19 июля 2014 г. Ю.А. Пелевин.

Российское общество в годы Первой мировой войны

Ирина Пушкарёва

Russian society during the First World War

Irina Pushkareva (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

30 сентября – 3 октября 2014 г. в Москве состоялась международная научная конференция «Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918», организованная Институтом российской истории РАН, Государственным историческим музеем, Федеральным архивным агентством и Российским историческим обществом. Этот форум стал крупнейшим событием последних десятилетий в отечественной исторической науке. В работе его 7 секций участвовали более 120 представителей научных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и ещё 20 регионов Российской Федерации, а также 11 стран «дальнего» и «ближнего» зарубежья¹. По материалам конференции издан сборник², примерно в 100 статьях которого представлены различные аспекты эволюции российского общества с начала Первой мировой войны до февраля 1917 г. Концепция и структура сборника коррелятивны мировой историографии проблемы «Война, человек, общество», а его статьи – последним исследованиям, в числе которых коллективная монография историков Москвы, Санкт-Петербурга и других городов, изданная ИРИ РАН³.

По мнению членов редколлегии сборника, обращение к историческим событиям, связанным с демократической революцией в России, должно было предоставить читателю возможность лучше разобраться в пружинах развития общества тех лет, когда энергия не завершённых в нём перемен

© 2016 г. И.М. Пушкарёва

¹ В конференции участвовали учёные Великобритании, Франции, Германии, Польши, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Литвы и Украины.

² Россия в годы Первой мировой войны. 1914–1918: материалы междунар. научн. конф. (Москва, 30 сентября – 3 октября 2014 г.) / Отв. ред. А.Н. Артизов, А.К. Левыкин, Ю.А. Петров. М.: ИРИ РАН, 2014. 712 с., 16 л. ил. (далее – Россия. 1914–1918).

³ Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2014 (далее – Россия в годы Первой мировой войны).